

СОЦИАЛЬНО-АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИЗИСНЫМ ЯВЛЕНИЯМ

УДК: 330.8

ключевые слова: дихотомия «рынок — государство», макроэкономическое регулирование экономики, мировой экономический кризис, неоклассическо-кейнсианский синтез, неолиберализм, постнеклассическая парадигма

М. В. Федоров, Л. Н. Куклина, С. И. Пономарева

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: КОНЕЦ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ИЛИ ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Анализируется дихотомия «рынок — государство» и ее концептуальное оформление. Рассматривается генезис неолиберальной модели, ее прогностический потенциал и возможность использования аналитического инструментария неолиберализма для формирования посткризисной модели развития мировой экономики.

Сегодня мир переживает глубокий кризис утвердившейся за последние 30 лет модели и обосновывавших ее теоретических конструкций — того, что называют рыночным фундаментализмом. Алармистские настроения прослеживаются не только в СМИ, но и в научных дискуссиях, участники которых воспринимают экономические потрясения как провал неолиберальной модели экономики и, соответственно, неоклассической теории. Как в любой дискуссии, мнения по этому поводу высказываются различные и порой противоположные. Однако все многообразие подходов данной полемики можно оценивать с точки зрения отношения авторов к известной дихотомии «рынок — государство» и его концептуального оформления.

Генезис неолиберализма

Когда говорят о кризисе целой модели и идеологии, важно выделить общенаучный контекст эволюции и связанные с этим изменения в ее постулатах. Поэтому целесообразно представить эволюцию либеральных идей с точки зрения смены научных парадигм, т. е. провести верификацию и фальсификацию неолиберальной теории в контексте формирования новой постнеклассической парадигмы.

Классическая парадигма, как известно, является ровесницей Нового времени. Главные объекты классической науки — природа и об-

щество в качестве простых и устойчивых систем. Экономическая теория, как и другие науки, ассимилировала ее фундаментальные ценности, которые определялись прежде всего естествознанием: редукционизм, монизм, объективизм, бессубъектность, детерминизм, линейный прогрессизм и др. Неклассическая парадигма доминирует сравнительно недолго — неполное XX столетие, когда на смену классическим постулатам и принципам приходят релятивизм, дуализм, введение человеком самого себя в научную картину мира. Это позволило экономической теории продвинуться далеко вперед в анализе усложняющихся многообразных связей между экономическим субъектом и социальной средой. В то же время законодателями методологической моды по-прежнему оставались естественные науки.

Постнеклассическая парадигма берет свое начало в последней трети XX в., когда формируется новая базовая модель мира и познания. Объектом познания становятся сверхсложные саморегулирующиеся системы, собственно научное знание неразрывно соединяется со знанием ненаучным и вненаучным, характерным становится междисциплинарность, многоцентричность знания, доминирует элевационный подход в познании мира. Некоторые тенденции и постулаты постнеклассической науки уже обозначились достаточно определенно: нелинейное научное мышление с его императивами неустойчивости, неравновесности и элевационизма, учение о взаимодействиях и самоорганизации сверхсложных систем.

В контексте изменений, происходящих в научном знании, с 1970-х по 1990-е гг. в экономической науке и экономической политике наблюдалось развернутое наступление так назы-

ваемого рыночного фундаментализма, вытесняющего на обочину как кейнсианство и классический институционализм, так и марксизм. Более того, это течение, получившее название «экономический империализм», вторглось в социологию, психологию, юриспруденцию, политологию, историю.

Подобная экономическая парадигма, сформировавшаяся еще в XVIII в., образовала так называемое гносеологическое ядро и смыслообразующий комплекс идей для неоклассики XX в. Неоклассические теории стали обоснованием нового взгляда на эффективность экономической политики правительства, имеющей целью стабилизацию экономики и сглаживание циклических колебаний.

Теоретико-методологическая основа «рыночного фундаментализма» достаточно обширна, одним из китов, на которых он покоится, является неолиберализм как одно из направлений неоклассической теории.

Объективные предпосылки перехода к неолиберальной системе в 1980—1982 гг. достаточно широко представлены в научной и учебной литературе. Формат статьи не позволяет подробно обсудить весь комплекс причин, вызвавших смену модели мировой экономики, поэтому выделим наиболее значимые для анализа поставленной проблемы причины.

Одной из главных объективных причин перехода к новой модели развития стал непрерывный рост ВВП на базе НТП и государственного регулирования, что привело к формированию мощного среднего класса и обеспечивало устойчивый рост рыночного спроса. Важным фактором укрепления сил рыночного саморегулирования выступило также расширение внешней торговли, базирующейся на дерегулировании и полной открытости стран мира. Толчком для перехода к новой модели послужил энергетический кризис 1970-х гг., показавший неэффективность политики государственного сдерживания цен на энергоносители. Многократное повышение цен на нефть послужило основой формирования глобального капитала, не связанного с какой-либо страной или сектором реальной экономики и перемещающегося по всему миру под влиянием финансовой конъюнктуры. Повсеместная экономическая либерализация, разрушение бюджетной политики, приобретающей все более инфляционный характер из-за чрезмерного роста государственных расходов и появления хронических бюджетных дефицитов, привели в конечном итоге к пере-

смотру всей структуры макроэкономического регулирования.

Но кроме объективных условий, требовались еще и субъективные предпосылки смены модели макроэкономического регулирования. К ним можно отнести укоренившееся в широких слоях населения доверие к рыночной системе хозяйствования и ее институтам, столь же широко распространенное стремление к свободной предпринимательской деятельности во всех ее проявлениях, преобладание в бизнесе духа научно-технического и организационного новаторства, господство психологии компромисса в отношениях предпринимателей и наемного персонала при разделе доходов и определении условий труда, высокую мобильность населения, его готовность менять место и вид занятости, обновлять потребление и сам образ жизни [7, с. 41].

Складывалось впечатление, что в 1990-е гг. наиболее развитые страны мира научились жить в условиях высоких цен на энергоносители, сдерживать инфляцию, безработицу, стимулировать медленный, но неуклонный рост экономической эффективности и общего благосостояния. В США стабилизационные тенденции, несмотря на все препятствия и издержки, проявились особенно рельефно. Выработанная исторически национальная либерально-рыночная модель позволила американским корпорациям упрочить лидерство во многих отраслях и регионах мира. Можно предположить, что к началу 1980-х гг. относительно свободный и саморегулируемый рынок действительно сформировался в США и в небольшой группе высокоразвитых стран. Под нажимом США и МВФ процессы либерализации распространились и на страны Восточной Европы.

Создавалось впечатление, что капитализм на протяжении второй половины XX в. чувствовал себя уверенно и спокойно. Но это не так. В западном обществе были популярны левые и социалистические идеи. Во второй половине 70-х гг., после поражения США в Индокитае, началось, как это называли в ЦК КПСС, расширение социалистической системы (Никарагуа, Ангола, Эфиопия, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, укрепляющийся Китай). Ситуация требовала ответа на эту угрозу. И он был найден, то есть ценностям коллективной, в частности профсоюзной, самозащиты и социальной солидарности противопоставлялись иные, а именно индивидуализм, частная собственность, свободный рынок и неограниченная свобода делать деньги. Целью было искоренение самой идеи

социализма, и этот глобальный проект проработал три десятка лет.

Однако в ходе такого подъема неизбежно накапливались системные противоречия, невидимые из-за роста благосостояния и уже к началу 1990-х гг. глобальный самоуправляемый рынок с трудом справлялся с нарастающими диспропорциями и проблемами. Кроме того, ряд структурных, в том числе финансовых кризисов, потрясших мировое хозяйство в конце 1980 — начале 1990-х гг., заставил говорить о необходимости усиления государственного регулирования хозяйства.

С 1990-х гг. наблюдается волна обратного движения, ставится под сомнение сама методологическая основа рыночного фундаментализма, неолиберальная практика и идеология дошли до его рубежа. В 2000-х гг. стали нарастать алармистские оценки состояния мировой экономики со стороны многих ведущих экономистов и политиков [2; 3; 5; 8].

Сегодня преждевременно давать оценку современному глобальному экономическому кризису, т. к. ни его глубину, ни длительность, ни долгосрочные последствия пока предсказать невозможно. Процесс осмысления еще только начинается, но все сходится в одном — важнейшей причиной мирового кризиса явилось ослабление регулирования финансового сектора при расширении использования новых финансовых инструментов. Общая тенденция к дерегулированию и либерализации финансового сектора способствовала появлению системных рисков, которые стали очевидны лишь в ходе кризиса. В XXI в. многократно возрос объем глобального капитала, который благодаря дерегулированию свободно и непредсказуемо перемещается между странами и регионами мира и способен не только восполнять, но и неожиданно создавать острейшие дефициты финансовых ресурсов и приводить к обрушению национальных рынков. И как результат, формируется социально-экономическое пространство, где воспроизводятся в расширенном масштабе совокупность фиктивных стоимостных агрегатов и не создается ни материальных благ, ни культурных ценностей. Этот сектор включает большую часть трансакций финансового сектора, паразитического потребления, рекламы, военно-промышленного комплекса, масскультуры и т. п. [1].

В полном соответствии с историей экономических кризисов, очередной мировой кризис, несмотря на множество предсказаний экономистов и аналитиков, разразился внезапно.

Кризис вызвал шок у мировой экономической и политической элиты. Никто не ожидал ни подобной его глубины, ни столь быстрого развертывания. Громко заговорили о кризисе неолиберальной теории и о необходимости поиска альтернативной модели развития мировой экономики. На идеологическом и концептуальном уровнях эта политика выразилась в ренессансе кейнсианства, популярность которого росла так же стремительно, как раскручивался кризис. Как и почти полвека назад, имя Кейнса становится сейчас символом государственного регулирования экономики, противоположного экономическому либерализму.

Изменение концепции макроэкономического регулирования экономики

В 1950—1960-е гг. кейнсианская модель стала общепризнанным теоретическим обоснованием стабилизационной, антициклической политики государства. В ней предусматривались активные действия правительства, направленные на расширение совокупного спроса в периоды кризисных спадов и его ограничение в фазах экономического подъема и вызванного им роста цен. Главными инструментами такого регулирования были признаны бюджетная политика — налоги и государственные расходы, бюджетный дефицит, а также подкрепляющие ее инструменты денежно-кредитной политики, проводимой центральными банками. Эта конструкция работала успешно до начала 1970-х гг., теория и основанная на ней политика особому сомнению не подвергались. Реальное развитие экономики развитых стран вселяло уверенность в том, что рецепты бескризисного роста, наконец, найдены и надо только умело их применять.

Изменение характера функционирования экономики в условиях либерализации и глобализации, растущая популярность неоклассики явились побудительными причинами пересмотра многих позиций прежнего кейнсианства. В первую очередь эти изменения коснулись представлений о механизмах государственного регулирования экономики, необходимость сохранения и использования которых у кейнсианцев, и особенно у политиков, не вызывала сомнений. В отношении экономической политики взгляды посткейнсианцев существенно отличаются от общекейнсианских рекомендаций: они признают значимость проведения дискреционной макроэкономической политики правительства. Но у посткейнсианской макроэкономики есть свои особенности, в том числе это работы об общем неравновесии, разработка микроэко-

номических основ теорий и моделей экономического цикла (А. Блайндер, Г. Мэнкью, Дж. Акерлоф). Заметим, что в новой кейнсианской традиции, как у ранних поколений кейнсианцев, лидеры школы не только преподавали в университетах, но и пребывали на государственной службе.

Как уже отмечалось, к концу 1960-х гг. в экономической науке произошел раскол, который подорвал уверенность в правильности кейнсианской макроэкономической модели, начали возрождаться неоклассические представления. Эти две концепции оказываются конкурентными, и выбор между ними должен производиться на основе реалистичных предпосылок, хотя многие экономисты и в начале XXI в. все еще продолжают рассматривать дихотомию «рынок — государство» как реально существующую.

Различия в воззрениях идеологов двух противоборствующих теорий — Кейнса и Хайека — возможно, чересчур преувеличены. И Кейнс, и Хайек были либералами во всех смыслах этого слова и критиковали советское централизованное планирование. Однако они расходились во взглядах на то, какой должна быть степень государственного вмешательства в экономику, и ни один из них не мог четко обозначить границы такого вмешательства.

Государства развитых и развивающихся стран сегодня используют различные инструменты антикризисного регулирования экономики, арсенал антикризисных мер многообразен. Однако большинство принимаемых решений так или иначе укладывается в следующие понятия: дирижизм, социализм и популизм. Эти решения общеизвестны и широко обсуждаемы в научной литературе.

Обратим внимание на важный, на наш взгляд, аспект: неолиберальные рецепты относятся к текущему рынку, т. е. ограничены рамками дихотомии «рынок — государство», но когда кризис крайне обостряет социальные проблемы, необходимо использовать иной антикризисный инструментарий. В результате оказалось востребованным новое открытие марксизма.

Итак, кризис неолиберализма: миф или реальность? Однозначного ответа на данный вопрос, вероятно, нет. Есть гносеологические причины, позволяющие периодически говорить о кризисе концепции, школы, направления в науке. Степень несоответствия теории и реальности может быть различна, и если она велика, то вызывает неудовлетворенность научной вер-

сией, сомнения в ее состоятельности. Но эта «слабость» присуща любой науке. Кроме того, экономика как объект исследования подвижна, изменчива, непрерывно развивается. Поэтому периодически возникает несоответствие между выводами теоретической версии, разработанной на базе наблюдавшихся ранее экономических явлений, и изменившейся реальной экономикой, где проявилось действие до недавнего времени скрытых или вообще не существующих факторов и потому не попавших в поле зрения исследователя.

Критика в адрес отдельных версий экономической теории — довольно давняя традиция. Критическая оценка возникает практически одновременно с собственно появлением нового научного направления. Но радикальная критика воспринимается в науке серьезно только в том случае, если она сопровождается выдвиганием альтернативной научной школы. В исторической эволюции экономической теории смена исследовательских парадигм и научная критика, подготавливающая эту смену, не воспринимаются как «провал», «кризис», «революция», «контрреволюция» и тому подобное, — это естественная жизнь науки. Научная критика обнаруживает слабые места теоретических направлений и тем самым создает предпосылки к их совершенствованию или замене другими, более соответствующими новым условиям версиям.

Итак, сегодня идет активный поиск новой модели развития мировой экономики. Анализируются исторические прецеденты: модель капитализма XVIII—XIX вв., выраженная формулой «laissez faire», альтернативная рынку модель планового ведения хозяйства, модель кейнсианского регулирования экономики с «государством всеобщего благоденствия», китайская модель планово-рыночной экономики с национальной спецификой и др. модели XX—XXI вв. Для каждой из них характерны собственная цель и способы ее достижения. Безусловно, эти процессы находят отражение в трансформации экономической теории и практики: прослеживаются шаги в сторону нового неоклассическо-кейнсианского синтеза. В этой связи можно процитировать профессора Гарвардского университета, представителя новых кейнсианцев Г. Мэнкью: «Возможно то, что произошло, — это вовсе не синтез, а скорее перемирие между воюющими сторонами, каждая из которых отступила, сохранив лицо. И новые классики, и новые кейнсианцы остаются

довольны своей победой, игнорируя куда более серьезное поражение... Полученные знания включаются в новый синтез, который развивается в наши дни и который в конечном итоге станет основой для следующего поколения макроэкономических моделей». [6, с. 103]

На наш взгляд, справедливо утверждение, согласно которому дихотомии «рынок — государство» нет вообще, поскольку существует одна-единственная проблема — координации хозяйственных отношений, обменов, сделок, эффективности этой координации, масштаба участия в этой координации правительства с накопленным общественным капиталом, которым оно распоряжается для создания коллективных благ, выступая тем самым в качестве субъекта координации, причем более важного, нежели рынок.

Даже сейчас вполне очевидна логическая несостоятельность утверждения о том, что кризис продемонстрировал необходимость более активного государственного регулирования: государство регулировало финансовые рынки, но с этой задачей справиться не сумело. И нет никаких оснований считать, что то же самое государство впредь будет лучше регулировать финансовые рынки. Другое дело, что нужны новые институциональные решения, повышающие их прозрачность и устойчивость. [4, 9]

Список литературы

1. Бузгалин А., Колганов А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития. Марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1. с. 125—128.
2. Глазьев С. Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов : научный доклад. М.: Национальный институт развития, 2007
3. Еришов М. Как обеспечить стабильное развитие в условиях финансовой нестабильности // Вопросы экономики. 2007. №12.
4. Мау В. Драма 2008 года. От экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. №2. с. 15.
5. Мау В. Экономическая политика 2007 года. Успехи и риски // Вопросы экономики. 2008. №2.
6. Мэнкью Н. Г. Макроэкономист как ученый и инженер // Вопросы экономики. 2009. №5. с. 103.
7. Ольсевич Ю. Психологические аспекты современного экономического кризиса // Вопросы экономики. 2009. №3.
8. Принципы и процедуры оценки целесообразности мер государственного регулирования / под ред. П.В. Крючковой. Бюро экономического анализа. М. : ТЕИС, 2005
9. Сухарев О. С. Институциональная теория и экономическая политика. К новой теории передаточного механизма в макроэкономике. М. : ЗАО «Изд-во «Экономика», 2007